

Алексей
МАКЕЕВ

Я убью свое прошлое

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Алексей Макеев

Я убью свое прошлое

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989127

Алексей Макеев. Я убью свое прошлое: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-61994-8

Аннотация

На Илью Кондратьева обрушивается череда странных событий и несчастий. На вечере встречи одноклассников он общается со своей бывшей подругой Наташей, а на следующий день ему сообщают, что девушка погибла под колесами поезда. Некоторое время спустя Илью останавливает на трассе дорожный патруль и подбрасывает в машину наркотики, из-за чего Илье приходится давать подписку о невыезде. Вслед за этим арестовывают его жену Ольгу – якобы за вождение в пьяном виде. В довершение всего в собственной квартире Илья обнаруживает засаду... Кто организовал эту планомерную травлю? Проанализировав все последние события, Илья понимает, что ненароком потревожил спрятанную в прошлом чужую тайну и она теперь начинает демонстрировать свой волчий оскал...

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Макеев

Я убью свое прошлое

Глава 1

На стук дверь никто не открыл, не предложил проваливать, не поинтересовался, кого там принесло на ночь глядя. Странно было это, странно и неправильно. Тем более за дверью жизнь есть, слышен стук, звон и негромкие голоса. Незнакомые, надо отметить. Снова грохот, треск, короткая пауза, и снова кто-то гнусавит – требовательно так и, как показалось Илье, нагло. И плохо, что Саню не слышно, либо сказать ему нечего, либо... Придется на горло своему воспитанию наступить и войти без стука.

Илья рванул на себя дверь и остановился на пороге. Вот оно что, как все, оказывается, просто. Гости к нам пожаловали, минут на пять-семь всего и опередили, иначе нарвались бы на совсем другую встречу. Ничего, сейчас и познакомимся.

Один – длинный, нескладный, в черной с белыми полосами на рукавах куртке – грязной, порванной на локте, в синих джинсах и кроссовках – стоит спиной к двери, второго не видно, но прекрасно слышно: звон, грохот металлических крышек, хлопанье дверок в шкафах. Первый среагировал на звуки за спиной, повернул башку, прищурил близоруко карие глаза с расширенными зрачками и мотнулся к стене, держа в поле зрения уже обоих – человека в синей врачебной «спецухе» за столом и застывшего на пороге. И суетливо замахал «розочкой» из мутно-белого стекла. С собой снаряд приволок, не иначе, на улице подобрал или в урне выкопал. И здесь же об угол стола и раскокал, чтобы морально противника подавить – осколков на полу и на столе полно, у телефона лежит отбитое доньшко с зубчатыми краями. Из-под водки бутылка, не иначе, но здесь такого добра отродясь не водилось, а Саня – с коллегами, приятелями или в одиночку – если и употребляет, то почти всегда в нерабочее время, но в полном соответствии поговорке «пить как хирург». И не сомнительную сорокаградусную жидкость, а благородный, проверенный медицинский спирт, полезный, как известно, в минимальных дозах для всех органов и систем организма сразу. Пить-то то Саня пьет, хоть и редко, зато метко, и вы не смотрите, что сейчас он бледен и неловок – все оттого, что не понаслышке знает, как выглядит лицо человека после контакта с острыми краями разбитой бутылки. Поэтому ведет себя осмотрительно и грамотно – не дергается, руки держит на виду, делает вид, что рад гостям и в то же время огорчен, что не может предложить им достойного угощения.

– Наркотиков здесь нет, – проговорил Саня, глядя строго перед собой. – Так как помещение не соответствует требованиям, предъявляемым к хранению учетных препаратов. Согласно требованиям Госнаркоконтроля помещение должно быть с сейфом, железной дверью, решетками в стенах и на окнах, кнопкой тревожной сигнализации...

Ага, откуда у них сейфу взяться, это ж роскошь, бюджетникам недоступная. А также решетки на окнах и железная дверь. Бригада медицины катастроф занимает две крохотные комнатенки в здании недалеке от больничного корпуса, за стенкой судебный морг с постояльцами в холодильниках и на столах, кому в морозилке места не хватило. «Двухсотым» решетки ни к чему, а вот живым КТС сейчас не помешала бы. Ничего, обойдемся, задача так себе, средней сложности. Только бы не вошел никто – сутки Саниного дежурства истекают через двадцать минут, а гости задерживаются. То ли забыли, где выход, то ли ориентацию в пространстве потеряли. Ничего, сейчас поможем, подскажем, проводим. Лишь бы никого не принесло раньше времени, свидетели нам ни к чему, а Саня не в счет.

Под ноги подкатилась пустая металлическая банка, Илья прижал ее подошвой ботинка к полу и прикрыл дверь. Оба налетчика дернулись одновременно к посетителю, Саня встал из-за стола, но, перехватив взгляд Ильи, плюхнулся на место. «Сиди, эскулап, руки береги и башку», – Илья сосредоточился на верзиле в черном, вернее, на разбитой бутылке в его кулаке. А ручки-то подрагивают, тремор явно выражен – плюс вспотевшая рожа и расширенные зрачки. Диагноз ясен, к доктору не ходи. Второй или третий день без дозы пошел, лихо ребяткам, до невозможности лихо, да так, что сейчас им ни своя жизнь не дорога, ни чужая.

Илья пнул банку носком ботинка, жестянка пролетела через комнату и врезалась в плинтус под радиатором на стене. Верзила вылутился на грохочущий по полу снаряд, отвлекся на мгновение, но этого хватило. Илья врезал по запястью верзилы носком ботинка, «розочка» взмыла к потолку, отлетела по крутой дуге и рухнула на заваленный бархлам подоконник, налетчика в черном отбросило к стене. Опомниться ему Илья не дал, одним прыжком оказался рядом, сгреб за грязную куртку и от души приложил затылком к стене. Повторил, добавил еще разок – здесь пришлось отвлечься. Второй, с рожей как у хорька, с ног до головы в «цифре», нарисовался справа, заметался у закрытой двери, вытер замызганную белую створку задом и успокоился, выставив перед собой руку с ножом. «Красавец», – Илья продолжал держать верзилу за грудки и не сводил с хорька взгляд. Тот ухмыльнулся, надвинул на глаза сползшую черную шапку, смахнул набок взмокшие от пота застилавшие глаза рыжеватые пряди волос. Шмыгнул носом, сделал выпад и застыл, словно его за поводок сзади дернули. Илья насторожился – из длинного гулкого коридора за дверью доносились голоса людей, кто-то ржал в голос, кто-то бухтел что-то неразборчиво. Кишка за дверью длинная, акустика отличная, в кабинете слышно, что у входных дверей творится. Только вошли, значит, по коридору бывшего морга им топать минуты три, времени мало, и надо заканчивать этот балет. Тем более хорек тоже выводы сделал и ручку дверную за спиной у себя нашаривает, про друга и думать забыл. А тот уже в себя приходит, мычит над ухом что-то матерное и косит мутными карими глазенками в сторону окна. А что, это мысль...

От двух ударов в живот верзила успокоился, коленки в грязной джинсе подогнулись, но упасть ему Илья не дал. Развернулся и швырнул длинного башкой вперед, тот плашмя грохнулся на стол перед обалдевшим Саней. Дверь слабо скрипнула, голоса за ней стали громче, веселились уже несколько человек, недовольный голос потерялся в дружном ржании коллег. Хорек вспомнил, что в руках у него имеется нож, обернулся, вытер мокрый нос и ощерился в лицо Илье, но дернуться не успел. Получил снизу и слева в подбородок так, что зубы лязгнули, а нож грохнулся из разжавшихся пальцев. Илья пнул складень к продавленному дивану и одним броском отправил хорька к подоконнику. Ринулся следом, обернулся на глухой дребезжащий звук. У стола все по-прежнему: верзила упирается макушкой в календарь с полуголой девкой и гнусавит что-то. Саня стоит над ним и держит в руках древний дисковый телефонный аппарат, озадаченно рассматривает треснувший после контакта с башкой верзилы корпус, перемотанная скотчем трубка валяется на полу, тянется за белым спиральным шнуром. Здесь ситуация под контролем, можно не отвлекаться.

Створка окна открылась со второй попытки, в лицо полетела пыль и чешуйки краски, на пол рухнули набитые бумагами коробки, стопа газет, какие-то пластиковые обломки. С улицы в комнату немедленно ворвался ветер и снег, Илья глубоко вдохнул морозный воздух и дернул хорька за ворот куртки. Наркоман не сопротивлялся, перевалился через подоконник и полетел вниз башкой прямиком в жесткий сугроб под окном, исчез в снежной круговерти. Верзила в черном отправился следом еще через несколько секунд, Саня перевесился через подоконник и устоял в ледяную тьму.

– Быстро, быстро, – Илья рванул Саню за лямку синего комбеза. – Живы оба, не переживай. Домой пойдешь – проверишь.

Вышвырнул следом за налетчиками «розочку», оглянулся, кинулся к столу и подобрал отлетевший в драке нож хорька. Илья едва успел захлопнуть складень и сунуть себе в карман куртки, а Саня закрыть окно, как дверь в кабинет открылась. Сразу стало душно, тесно и весело. Илья поздоровался со знакомыми и уселся на продавленный диван у окна, отвернулся, глядя на стучавшую в стекло метель. Февраль в своем репертуаре, метет третий день, и конца-края непогоде не видно, а еще только начало месяца, впереди последние три недели зимы, до первых теплых деньков как до Луны...

Сдача смены не затянулась. Саня старательно сохранял спокойствие, пока что-то обьяснял ночной смене, куда-то звонил и расписывался в многочисленных журналах. Потом переоделся в соседней комнатенке, потоптался у выхода и решительно направился к холодильнику.

– Я тебя там жду, – Илья был уже за дверью. Сколько раз тут бывал, а всегда одно и то же – еле сдерживаешься, чтобы не ускорить шаг. Слишком тихо тут и холодно, впрочем, покойникам за стеной все равно, а вот живых тоска берет, и хочется бежать без оглядки. За спиной раздались звуки шагов – Саня топал следом, в руках у него Илья заметил небольшой сверток.

У выхода оказались одновременно, остановились под козырьком крыши. Куда ни глянь – мрак и снег, сугробы вдоль забора, деревья машут голыми ветками, и звук жуткий, словно сухие кости стучат. Илья шагнул было к воротам, но Саня окликнул друга, дернул за ручку дверцу скучавшего в одиночестве новенького «Форда». Это чудо техники с полной медицинской начинкой подарил центру спасенный ими крутой местный «авторитет». Реанимация была успешной, и дядя, на радостях, что жив остался, расщедрился по-взрослому. За такое дело грех не подарить, если возможность есть. Заслужили!

В темноте салона микроавтобуса пахло лекарствами и бензином, Илья уселся на жесткую скамейку у ледяной стенки, Саня устроился рядом, зашуршал свертком.

– Сдуреть, – бормотал он, сражаясь с пакетом. – В первый раз со мной такое. Политравму сколько раз видел, живых из машин всмятку доставал, на вертолетную катастрофу один раз выезжали. Блевал потом сутки, вот гадом буду, если вру. Но чтобы так...

Сверток, наконец, сдался, на скамье появилась пластиковая пол-литровая бутылка, накрошенный широкими ломтями черный хлеб и остаток вареной колбасы в целлофане с веревочным хвостиком. О мелкой посуде Саня подумать не успел, покрутил в руках бутылку и подал ее Илье. Тот взял емкость, в которой до половины плескалась прозрачная жидкость, открутил зеленую крышку, принялся. Ну, да, он самый, спирт этиловый, что является депрессантом, психоактивным веществом, угнетающим центральную нервную систему человека. Или, проще говоря, чистейший медицинский спирт, градусов семьдесят или немного больше. У Сани стресс, и лечить его надо немедленно, по возможности не отходя от рабочего места.

– Твое здоровье, – Илья отхлебнул из узкого горлышка и проглотил жидкость. Слизистые немедленно обожгло парами спирта, он ухнул вниз и упал в желудок тяжелой ледяной каплей. Она мигом исчезла, растворилась, проникла в кровь, и сразу стало тепло, словно в «Форде» включили печку. Илья передал бутылку другу и потянулся за хлебом.

– Ты чего выделялся? – спросил он с набитым ртом. – Жить надоело? Отдал бы им, что просили, списали бы потом.

Саня ответил не сразу – пока выпил, пока закусил, пока прожевал, времени прошло с минуту. Бутылка вернулась в руки Илье, он откинулся к стенке «Форда» и принялся неторопливо скручивать колпачок.

– Нечего мне им отдать, – яростно зашипел из полумрака Саня. – Нет у нас наркоты, помещение не позволяет. Сейфа нет, двери нет, сигнализации тоже. У нас из обезболивающих только анальгин и феназепам. Я им предлагал – отказались. Дай. – Бутылка вернулась

в руки Сани, он расправился с крышкой, сделал хороший глоток. И продолжил, забыв, что надо бы сначала закусить, хотя бы и символически:

– Эти два персонажа – что в окно улетели – на героине сидят или на метадоне. Им хоть ящик фентанила подарить можно, только фентанил им на фиг не нужен. Ни кайфа не даст, ни ломку не снимет. Только передоз вызовет и угнетение дыхательного центра в продолговатом мозге. Да эти уроды-наркоши нам до одного места, пусть хоть обширяются. Нам людей лечить нечем!

Руки хирурга подрагивали, спирт в бутылке нежно плескался о пластиковые стенки. По стеклу задней дверцы резанул свет фар, Илья и Александр обернулись одновременно. Но черная иномарка уже сдавала задом, буксовала в колеях, разворачиваясь, из приоткрытых окон неслись обрывки шансона. Саня выдохнул, сделал еще глоток и пихнул бутылку в руки Ильи. Тот поднял емкость, качнул ее – жидкости едва хватало, чтобы прикрыть дно. Допил, посидел, зажмурившись, и потянулся за остатками колбасы.

– Ни хрена у нас нет, – Саня от выпитого зверел на глазах, рванул ворот свитера и скомкал служивший скатертью пакет. – Как уроды последние: в укладке одна ампула промедола и кетамина! И все! В том числе на осложненные инфаркты и массовую политравму! Это и на ДТП, и на падение самолета, и на железнодорожные аварии – когда пострадавшие орут, кости торчат, кровища течет... Извлекайте их без обезболивания как хотите, а я вам не доктор Менгеле, в концлагере не работал. Отойду в сторонку к кювету, проблююсь и горько заплачу...

Пакет исчез в кармане синего пуховика, Саня отобрал у Ильи бутылку, покрутил ее в пальцах и принялся запихивать следом за пакетом. В салоне «Форда» заметно похолодало, зато стало светло, как днем, – охрана на воротах включила мощный прожектор. Илья запахнул куртку, чтобы тут же расстегнуть ее снова. Полез во внутренний карман, достал несколько аккуратно сложенных купюр, положил на скамейку. И подвинул деньги Сане.

– Это чего? – после пережитого стресса хирург сообщал неважно.

– Я у тебя в долг брал, – напомнил ему Илья. – Пересчитай.

– Еще чего, – попытался отказаться Саня. – Я теперь тебе сам должен.

И отпихнул деньги обратно. Силы были неравны, купюры оказались в нагрудном кармане пуховика расстроенного хирурга. Саня первым вылез из «Форда», задрал голову к небу и протяжно выдохнул. Илья выбрался следом, развернул тощего, на голову ниже себя эскулапа в сторону ворот, и оба двинули к вмерзшей в снег цепи, заменявшей собой шлагбаум. Прошли мимо темной глухой стены и дружно, не сговариваясь, повернули головы на яркий теплый свет из окна на первом этаже. В сугробах никого, вокруг вообще никого, даже собаки бродячие от ветра попрятались – черный вечер, белый снег, ветер, ветер, на ногах не стоит человек... Саню основательно поматывало от резких порывов – неудивительно, на пустой желудок грамм двести чистого продукта принял, вот и ответку получите. Хотя что такое двести граммов с его закалкой – еще смену простоят, не шелохнется. И пострадавшего с того света вытащит, проверено. Что уж скрывать, всяко бывало, работа у него такая.

Больничный корпус остался позади, они вышли на открытое место и двинули к остановке. Ветер зверствовал не по-детски, завывал меж высоток, лез под пуховик. Илья почувствовал, что продрог, и ускорил шаг, дернул Саню за рукав. Того снесло было с тропинки, но приятель помог выровняться, и теперь хирург топал рядом.

Хмель уже почти выдуло ветром, Саня натянул на голову капюшон и даже откопал в карманах перчатки. Пакет, бутылку и складень «цифрового» хоряка закинули в оказавшийся на пути мусорный контейнер, места пошли обитаемые, дороги расчищенные, поэтому дальше по морозу топали рядом.

– А ловко ты их, я аж засмотрелся, – от комплимента Илья ухмыльнулся, пряча лицо от порыва ледяного колючего ветра. – Говорят, ты в ФСБ служил, – не отставал Саня. – Или врут?

«Кто говорит?» – докапываться до друга Илья не стал. Мало ли болтунов на свете, коих хлебом не корми, а дай чужие косточки перемыть. Раз говорят – пусть говорят, не его дело. Он сам в родной город только полтора года как вернулся – то армия, то работа, то женитьба. Вернее, не вернулся – сбежал от совместного житья с родителями жены и семьей с собой на опустевшую жилплощадь перевез. До Москвы добираться, правда, почти на полтора часа дольше, зато квартира своя и над душой никто не стоит, нервы не треплет. Сами себе хозяева теперь, жизнь только и началась, можно сказать.

Вместо ответа Илья потащил Саню за собой через дорогу, не обращая внимания на красный свет. Больница с каморкой, где притулился на птичьих правах по соседству с моргом местный Центр медицины катастроф (в народе – спасателей), находился на окраине города. Транспорт с наступлением темноты в эти края добирался редко, поэтому ловить приходилось каждую маршрутку. И как раз одна длинная белая «Газель» уже собиралась отчалить от павильончика у закрытого по случаю позднего времени магазина рыболовных принадлежностей. Водила попался отзывчивый, автоматическая дверь «Газели» отъехала в сторону, Илья запрыгнул на ходу в образовавшуюся щель, втащил за собой Саню.

В тепле хирург быстро оттаял и активно крутил головой по сторонам. Илья смотрел в одну точку перед собой и боролся с подступавшей дремой. У самого завтра смена, пора бы домой двигать, но что там делать – жена с детьми уехала к своим родителям, да и поцарапались они с Ольгой сегодня утром. Несильно, но ощутимо, осадочек остался и до сих пор напоминает о себе. Все, как бывает в таких случаях – ни криков, ни истерики, а просто оделась, забрала детей и укатила на своем «Матизе», и ни одного звонка за целый день... «Вот язва», – Илья тоже уставился в окно. Настроение резко пошло вниз, адреналин вместе со спиртом выветрился из крови, на их место просачивалась тоска и безнадёга. Саню, похоже, терзали похожие чувства, он не отлипал от окна. За толстым стеклом мелькали знакомые с детства улицы, дома, но в темноте и метели все выглядело нереальным и почему-то, как казалось Илье, таило в себе опасность. Маршрутку мотнуло на повороте, хирург едва не врезался носом в стекло и вскочил на ноги. Схватился за спинку кресла, удержался на ногах и ринулся по проходу к двери.

Выходить им еще через две остановки, но Илье было все равно. Они выпрыгнули из салона у замерзшего пруда, Саня покрутил головой и решительно двинулся к перекрестку.

– Место знаю, – непререкаемым тоном заявил хирург. – Хорошее местечко. Все тихо и прилично, правда, я давно там не был. Месяца три. То с деньгами проблемы, то работы непроворот...

Сане можно было верить – свободный от семьи и детей, хирург после скандального развода и дележа имущества довольствовался случайными связями и регулярно, в свободное от дежурств время, обходил местные кабаки. В них Саню хорошо знали, в некоторых отлично помнили, а в пару заведений вход ему был заказан. Харчевня поблизости в список заведений, где охрана объявила хирурга персоной нон грата, не входила, и Саня уверенно двигал к цели.

– Пошли, – поддержал порыв Илья. – Зайдем, посидим. Сто лет не виделись.

– А Ольга? Как она, ничего, если...

– Ничего, – оборвал друга Илья. – Я сегодня холостой. Веди, я тут ни разу не был.

Народу в заведении было полно, свободный столик нашелся под здоровенной плазмой. На экране кривлялись полуголые девицы, в зале плавали клубы табачного дыма, с кухни несло гарью и чем-то сладким. Зато было тепло и как-то свободно, Илье нравились такие места – вроде в толпе, а вроде и один. Поэтому на сконфуженное Санино бормотание «как все

изменилось» он внимания не обратил, уселся на мягкий диван и притянул к себе поданное вертлявой официанткой меню. Заказали еще по сто грамм, дождались, выпили, посидели, прикончив закуску, и решили, что можно еще по одной – и уж после сразу двигать по домам. Но перед этим хорошенько поесть.

Официантка приняла заказ и умчалась, Саня внимательно посмотрел ей вслед и развалился на диване. Под влиянием алкоголя жизнь понемногу налаживалась, в заведении было тепло и весело, вкусно пахло, а пережитый час назад страх отступал под воздействием новых раздражителей. Оные так и грозили остаться раздражителями, ибо у каждой особы женского пола, попавшей в сектор обзора хирурга, имелся спутник. Одиночек не было вообще, Саня загрустил, без энтузиазма встретил поданное официанткой горячее. Илья – напротив – сразу ухватил свою тарелку, поставил перед собой, занес над мясом нож и вилку. Поест сегодня толком ему не удалось, в холодильнике не то что пусто, а как-то сиротливо: ни одной кастрюли, одни свертки. Пришлось целый день бутербродами перебиваться, а это, граждане, никуда не годится. Общепит тоже не бог весть что, но все лучше хлеба с колбасой и сыром. А все, что лежит в тарелке, и пахнет приятно, и выглядит неплохо...

От мощного толчка между лопаток Илья едва не влетел носом в аппетитный гарнир, завис в миллиметре над ломтиками обильно политой подливой картошки. Вилка вылетела из руки, зазвенела по полу, нож чудом остался на месте. Саня успел подхватить обе доверху наполненные рюмки и убраться вместе с ними на безопасное расстояние. Позади и справа раздался короткий смешок, кто-то бросил ехидную реплику, впрочем, почти сразу об инциденте забыли. Рев музыки из плазмы над головой слился с общим гулом и звоном посуды.

Илья положил нож на салфетку и, обернувшись, встретился взглядом с перекормленным пучеглазым юношей. Тот весело смотрел на Илью, одновременно втискивая свое обтянутое клетчатой рубашкой брюхо между столом и бюстом крашеной спутницы. Видимо, в процессе продвижения к недоеденной пицце юноша не рассчитал и локтем врезал Илье по спине. И, видя, что пострадавший претензий не предъявляет, счел инцидент исчерпанным.

– Вы бы поосторожнее, молодой человек, – произнес Илья, рассматривая курчавую поросль над взмокшими от пивного передоза залысынами жирдяя.

– Рот закрой, – бросил тот, сделал последний рывок и рухнул на не успевшее остыть место напротив недопитой литровой кружки темного пива. – Или я...

Деловито выдал короткий перечень направлений и вариантов извращений, помянул живых и умерших близких родственников Ильи, высказал свое мнение о них и отвернулся. Илья спорить не стал, глянул мельком на оторопевшего Саню. Снова мерзкий смешок, пара хлестких комментариев, хихиканье крашеной блондинки за спиной. Хирург отхлебнул из своей рюмки и осторожно поставил ее на скатерть. Послышался негромкий стук каблучков по плитам пола, официантка пробиралась боком между столами и тащила тяжеленный поднос. Хотела проскочить мимо них, но не успела, Илья преградил ей путь, взял с подноса литровую кружку с «портером» и, пока девчонка хлопала ресницами, вылил пойло на голову клетчатому юнцу. Вернул пустую кружку на поднос и потянулся за деньгами.

– Сколько с меня? – вопрос остался без ответа. Вообще в зале стало очень тихо, примолкла даже плазма, не говоря уж о соседке клетчатого. Ей явно очень хотелось орать, визжать, истерить, но приключившийся паралич речевых центров позволял выдать только еле различимый, похожий на мышинный, писк. Ее кавалер, тоже молча, обтекал с набитым ртом, соседи через проход и напротив таращились на принявшего пивную ванну юношу, посуда на подносе в руках официантки дрожала и неприятно позвякивала.

– Сколько? – повторил Илья и махнул потянувшемуся к карману на рубашке Сане – сиди, без тебя разберусь.

– Сто пятьдесят, – официантка вытаращила глаза и дернулась назад, Илья мгновенно переместился на край лавки и перехватил просвистевшую у правого виска руку, чуть вывер-

нул запястье и рванул клетчатого кабана на себя. Звук получился такой, словно через спинку дивана перебросили мешок с гнилой картошкой, юноша омерзительно хрюкнул и уперся лбом (или носом, черт его знает) в покрытую пятнами обивку. Илья завернул жирную короткопалую лапу юнца в область лопаток, еще немного дождался, но этого хватило. Хрюканье усилилось, туша дрожала, как качественный, одобренный отменной порцией желатина холодец. Вокруг по-прежнему было тихо, Илья наклонился к мокрой от пива башке юноши, локтем надавил на область невидимого под жиром кабаньего хребта, подмигнул протрезвевшему Сане и заговорил вполголоса:

– Я тебя понял, друг. Понял даже лучше, чем ты думаешь. Ты, вижу, с фантазией, да и я тебе пару фокусов показать могу. Удивлю до невозможности, обещаю. А вот друг мой тебя поддержит. Он в ФСБ служил, его там людей голыми руками убивать научили. Потом сам с тобой порезвится, потом снова я, потом снова он. И так, пока не надоест. Нам не надоест, – уточнил Илья. Хирург согласно кивнул, подцепил со стола тупой нож и зажал его в пальцах на манер скальпеля.

Переброшенное через диванную спинку тело трепетало, дергалось, издавало протяжные и отрывистые звуки, чередовало их, как в морзянке. К столику подтягивались зрители, но приближаться не решались, замерли в отдалении, вытягивали шеи. Туша рыпнулась сильнее, свободная лапа выдралась из-под могучей груди и с размаху снесла обе тарелки с остывшим мясом и картошкой.

– Урод! – выдохнул Саня. – Вот скотина, жертва аборта. Отпусти его, пусть живет, он же убогий на всю башку. Я их семейку знаю – папу «белочка» забрала, у мамы наследственная шизофрения. Его стерилизовать надо, но это только по показаниям... – и ловко осушил свою рюмку, даже не поморщился. Покосился на пол и встал на ноги.

– Живи, придурок, – Илья разжал пальцы, взял со стола салфетку и принялся брезгливо вытирать руки, одновременно осматриваясь. Шоу закончилось, посетители заведения потянулись к происходящему интерес и уже возвращались к своему пиву. Носитель бракованного генетического материала грузно шевелился рядом, от него несло солодом и, как показалось Илье, дешевой сивухой. Крашенная фея всхлипывала, гневно пялилась на Илью и обеими руками вцепилась в пояс джинсов своего кавалера, помогая ему подняться. Илья выбрался из-за стола, переступил через размазанный по полу ужин, по примеру расчетливого хирурга выпил свою рюмку и направился к официантке – рассчитываться.

– Кондратьев, у нас с тобой как в том анекдоте, – пробормотал Саня, пока забирали из гардероба куртки. – Сидят медвежонок Винни и ослик Иа за столом. Оба в хлам, разумеется. На полу – остатки недоеденной свиньи. Винни говорит: а хорошо посидели. Жаль, Пятачок рано ушел.

– Вот именно, что на полу, – отозвался Илья. – Поесть-то не успели. Я бы сейчас целую свинью съел.

На улице ничего не изменилось – ветер, снег и ранние сумерки. Прохожие бежали, пряча лица от ветра, Илья с Саней постояли на пороге и, не сговариваясь, побрели по улице, подставив ледяным порывам спину. В висках стучала кровь, щеки горели от выпитого, в голове появилась легкость, пришел кураж.

– Мало ты ему врезал, – хирург определенно умел читать мысли ближнего. – В больнице мне больше понравилось, красиво у тебя получилось, как в кино.

– В чем проблема? – отозвался Илья. – Можно вернуться и все повторить. Посуду побить, стекла и лица присутствующих. Потом поджечь что-нибудь, подраться с подъехавшим нарядом и закончить вечер в отделении полиции. Пошли, пока та парочка не слиняла, повеселимся...

Злость, обиду и даже горечь, терзавшие его с самого утра, теперь подхлестывал адреналин. Вскипевший коктейль не давал стоять на месте, требовал движения, резких слов,

переходящих в крик, драки – всего, что позволило бы вскрыть этот нарыв. Илья ринулся обратно, дернул Саню за рукав, но хирург неожиданно уперся.

– Глянь, – пробормотал он из-под надвинутого едва ли не на самые глаза капюшона, – это ж наша школа. А чего это там? И людей полно...

– Где? – Илье пришлось обернуться. Действительно, школа – длинное трехэтажное здание с высоким крыльцом, на котором действительно собралась целая толпа. И все курят, что само по себе вызывает некий разрыв шаблона. И гогочут так, что через дорогу слышно.

– Не понял, – Илья подался вперед, остановился, зацепившись носком ботинка за край бордюра. – Ну, да, школа. А почему...

– Я понял! – выдохнул оказавшийся рядом Саня. – Сегодня же вечер встреч выпускников. Там же все наши... наверное. Блин, я их с выпускного не видел! Пошли, посмотрим! – его мотнуло на бровке, но хирург силой воли удержался на ногах.

– Не пойду, – отказался Илья. – Кого я там увижу. Двадцать лет прошло, все толстые и лысые. Не хочу, – теперь пришла его очередь упираться.

– Да и фиг с ним, я тоже лысый, – самокритично отозвался Саня. – Многие процессы в организме, особенно процесс старения, могут начаться в том возрасте, когда биологический объект... Пошли, это ж наше прошлое – славное, светлое. Школьные годы чудесные...

Хирурга вынесло на проезжую часть, он старательно обходил тормозившие машины и безропотно выслушивал проклятья водителей. Илья бросился следом, схватил Саню под руку и выволок его на противоположный тротуар. Еще десяток шагов по льду и снегу, и здравствуй, школа. Вот она, родная, десять лет как один день. Саня прав: стоит подняться по скользким широким ступеням, пересечь крыльцо и войти в двери за ним – и ты вернешься на двадцать лет назад. Впрочем, Сане проваливаться дальше, он старше Ильи на два года, но сейчас, когда обоим уже хорошо за тридцать, эта разница сведена до нуля или близких значений. И, правда, когда, если не сейчас? Спецом бы он вряд ли собрался, придумал бы себе кучу неотложных дел...

– Пошли, – хирурга влекло вперед, к смеху, крикам и табачному дыму с крыльца, Саня пер по ступеням с упорством первопроходца. Илья не отставал, высматривал на ходу в толпе знакомые лица. Но фонарь под сохранившейся еще с «тех времен» крышей навеса моргал, лампочка в нем оказалась слабосильной, Илья ничего толком разглядеть не смог. Кто-то подрезал их, бросился к двери, хирурга качнуло, Илья успел подтолкнуть Саню в спину. Тот мотнул головой, стряхнул с нее капюшон и потянул на себя тяжелую дверь. Створка подавалась со второй попытки, позади уже напирала толпа замерзших курильщиков.

– Спокойно, граждане, – пробормотал сражавшийся с дверью хирург и ввалился, наконец, в светлый и тесный от толпы вестибюль. Покрутил головой, расплылся в довольной улыбке и словно сквозь землю провалился. Илья остался один посреди круговерти незнакомых лиц, голосов и чужих воспоминаний.

Он напрасно крутил головой по сторонам и проталкивался через толпу – хирург в общей толчее сгинул бесследно. Орать, шарахаться по вестибюлю бесполезно – наверняка увидел пару знакомых лиц и ринулся навстречу своему прекрасному прошлому. Илья поднялся на носках, глянул влево-вправо и смирился, отошел в уголок к могучему растению с мрачно-зелеными листьями и осмотрелся еще раз, уже осмысленно. И по-прежнему бесполезно: ни одной хотя бы отдаленно знакомой физиономии. Народу полно, все довольные, смеются, возбужденно выкрикивают восторги и приветствия. Собравшаяся публика разнообразная – от детишек, расставшихся со школой не далее как прошлой весной, до солидных тетенок и дяденек, снисходительно глядевших на пеструю толпу и друг на друга.

Сидеть под фикусом было глупо, возвращаться на холод и мороз пока не тянуло. Илья расстегнул куртку, еще раз просканировал толпу на предмет наличия в ней хирурга, и вновь поиск не дал результатов. «Пойду прогуляюсь», – Илья вышел из-за гигантской кадки, слу-

жившей цветку домом, и через толпу направился к лестнице на второй этаж. Его класс был на третьем, но туда Илья пока не торопился, решил, раз уж оказался в школе, обойти ее всю, знакомую когда-то до последнего уголка. Оказался на втором этаже, свернул с площадки направо и зашагал по длинному коридору. Все, как и двадцать лет назад, даже стены покрашены в тот же цвет, только линолеум на полу новый. По старому, помнится, во время дежурств по школе приходилось ползать на коленях, оттирая ластиком черные полосы от подошв несознательных учеников.

Народу здесь было не меньше, за открытыми дверями кабинетов сидели, стояли и сновали люди, слышались чужие голоса, смех, крики. Илья прошел через весь второй этаж, боком пробрался по лестнице мимо оккупировавшей широкий подоконник компании явно нетрезвых мужичков и через ступеньку запрыгал на третий этаж. Здесь потише, вся основная тусовка осталась внизу, многие двери закрыты наглухо. Как и дверь его класса – Илья дернул за круглую металлическую ручку несколько раз и отступил к окну. Все, здесь делать нечего, можно топать домой. Десятый «А» в этом году вечер встреч проигнорировал в полном составе, он ничего не потерял. «Домой», – об этом напомнил и сведенный голодными спазмами желудок. Голова слегка гудела от выпитого, навалилась сонливость и апатия. Илья достал мобильник, посмотрел на темный экран – ни пропущенных звонков, ни эсэмэсок, никто не искал его сегодня, не интересовался, как его дела, самочувствие и все такое. Правда, он и сам никуда не звонил и даже не собирался, но это решение, помнится, принято было давно, еще утром... Апатия сменилась обидой, вернулась злость – на себя, на окружающих, на урода с «розочкой» и трусливого хорька – надо было им морду все же разбить, чтобы запомнили надолго, но поздно пить боржоми. И на эту полную щенячьего восторга толпу переростков – оплывших, неловких, с лысыми и двойными подбородками. Чему вы радуетесь, люди? Прошное должно оставаться в прошлом, когда вы были молоды и относительно хороши собой, когда весь мир лежал у ваших ног, а что вы предпочли всем его сокровищам? О чем вы расскажете друг другу? Вот то-то, нечего вам сказать. Флаг вам в руки, а я с вами не играю...

Илья сбежал вниз по лестнице, невежливо расталкивая встречных. Кто-то отступал к стене сам, кто-то ворчал вслед недовольно, но Илья не оборачивался. Кто только придумал эти вечера, кому они нужны, люди не видят друг друга годами и при случайной встрече не узнают соседа по парте, у которого математику списывал... К черту, а все Саня виноват, сам, поди, уже где-нибудь догоняется. Ну, хоть у кого-то вечер сегодня удался.

Снизу поднималась большая и явно подогретая спиртным компания. В коридорах и классах, как заметил Илья, не пили, травить организм табаком и алкоголем выбегали на мороз. Эти, снизу, делали уже не первый заход, двигались неуверенно, хохотали и спотыкались на каждой ступеньке. Пришлось возвращаться и ждать, пока компаньша соберет себя в кучу и в полном составе разместится на площадке. Как назло, кто-то в задних рядах не удержал равновесия, плюхнулся на ступеньку и немедленно заржал. Собутельники обернулись, и загоготали, кто-то пополз товарищу на выручку, цепляясь для верности за перила. «Да чтоб вас», – Илья развернулся и двинул через два бесконечных коридора к лестнице в противоположном конце здания. Толпа здесь поредела, но все равно было шумно, душно, чужое веселье раздражало, кровь стучала в ушах, стало жарко. Илья несясь сквозь толпу, уже не глядя по сторонам, а только вперед, над головами встречных и не сразу смог затормозить, услышав свое имя. Кто-то окликнул его раз, другой, на третий он сообразил, наконец, что пора остановиться. И голос знакомый, только непонятно, где его обладатель. Вернее, обладательница – не эта же коротко стриженная тетенька с бесформенной тушкой, упакованная в черные тугие джинсы и сиреневую тунику с блестками по вырезу декольте. А тетенька улыбалась ярко намазанными губами и, грохоча каблуками, шла навстречу Илье.

– Привет, – она остановилась напротив и теперь смотрела снизу вверх, продолжая знакомо улыбаться. – Вижу, ты меня не узнал. Значит, я буду богатой.

«Я вас не знаю», – едва не ляпнул он, но прикусил язык. Эту женщину он видел впервые в жизни, но что-то в ее лице, улыбке и, главное, в голосе заставляло усомниться в поспешных выводах. Они встречались в этой жизни, но давно, очень давно и не видели друг друга лет десять, если не больше. Да, больше, много больше – сразу после выпускного он уехал поступать в училище, потом армия: срочная плюс два года на контракте, потом...

Женщина улыбнулась – растерянно и виновато одновременно, поправила волосы и отступила на шаг. Улыбка исчезла, на лице появилась гримаса недовольства и лукавства одновременно, чтобы сразу исчезнуть, но этих мгновений хватило. И он узнал Гришину Наталью, свою первую (и единственную) школьную любовь.

– Наташка, – протянул Илья. – Обалдеть, я тебя и правда не узнал. Ничего себе, сколько ж я тебя не видел?..

Его толкнули в спину, Наталье кто-то наступил на ногу, но оба не обращали внимания на окружавшую их толпу. Время остановилось и рвануло назад, исчезло и без того туманное будущее, сгнуло настоящее, без следа пропал вчерашний день – они вернулись почти на четверть века назад, им снова было по шестнадцать лет, и впереди была вся жизнь. И стояла перед ним не молодящаяся тетенька средних лет, а тонкая, зеленоглазая девчонка с длинными каштановыми волосами. Серьезная – спасу нет, лишний раз не улыбнется. Зато если повезет – глаз не оторвать, и готов горы свернуть, лишь бы смотреть на нее часами.

Из дальнего конца коридора гроыхнула музыка, рев попсы перекрыл общий гул, кто-то негодуя засвистел, и наваждение исчезло. Посреди коридора улыбались друг другу два взрослых, состоявшихся человека.

– Изменилась, знаю, – первой заговорила Наташа. – Ты тоже, я тебя еле узнала. Пойдем, все наши там собрались, – и махнула рукой куда-то в сторону учительской.

– А я вас в нашем классе искал, – Илья взял Наташу под руку и повел через толпу.

– Мы в другом кабинете, в старом окна меняют, там грязно, – пояснила Наташа. – Почти все собрались, сейчас увидишь.

«Почти всех» оказалось полтора десятка человек. Своих, остальные были из параллели. После «официальной» части – узнаваний, приветствий и ответов на ритуальный вопрос «как сам?» и обязательного глотка вискаря со дна пластикового стаканчика Илья утащил Наташу на заднюю парту. Сидевший по соседству тихий, словно пришибленный, неопределенного вида мужчинка вежливо улыбнулся паре и, пересев на свободное место, уставился на распахнутую дверь.

– Кто это? – шепотом спросил Илья. – Что-то не припоминаю такого.

– Он с нами только полгода проучился, в восьмом классе, – тоже шепотом пояснила Наташа. – Непонятно, зачем притащился. Может, скучно человеку...

– Может, – Илья уже потерял к странному дядечке интерес и откровенно оценивающе разглядывал Наташу. Та отвечала взаимностью, пауза длилась почти минуту, они словно заново привыкали друг к другу, к новым себе – повзрослевшим, набравшимся если не ума, то жизненного опыта, умудренным, если угодно.

– Как ты? – первой спросила Наташа, и было видно, что ей действительно интересно.

– Нормально, – немедленно отозвался Илья. – В армии отслужил, работаю. Женился, детей двое. Три года с родителями жены жил, думал – повешусь, потом мать умерла, мы сюда переехали.

– Молодец, – о себе Наташа говорить не торопилась, крутила в пальцах ремень сумки и то смотрела в сторону веселившихся у доски одноклассников, то мельком – на Илью. – Говорят, ты в ФСБ служил. Это правда?

«Далась им эта ФСБ», – подумал Илья, а сам удивился второй раз за этот длинный вечер. Надо же, кто-то еще помнит о том, к чему стремился Илья Кондратьев двадцать с лишним лет назад. Чудны дела Твои, иначе и не скажешь...

– Не служил, только собирался, – признался он. – Готовился два года: качалка, рукопашка, бег, лыжи, языками занимался...

– Помню, помню, – заулыбалась Наташа. – Как ты и стометровку лучше всех бегал, и «солнышко» на турнике крутил. А мы в сторонке стояли и на тебя глазели. А все парни тебе завидовали.

Илья тоже улыбнулся, глянул в темное окно. Сейчас его не видно, но турник там, на спортплощадке за школой, никуда не делся за прошедшие годы. «Солнышко» он изобразить уже не рискнет, но раз десять подтянется запросто. Тем более что руководство родной конторы частенько устраивает проверку физических кондиций своих сотрудников, а по результатам испытаний и коэффициент к зарплате повышается, и премии разовые случаются, и прочие приятные бонусы помельче. Так что хоть сейчас иди и сдавай норматив. Но вместо этого придвинулся поближе к Наташе и проговорил вполголоса:

– Не все. Валерка не завидовал. Не помнишь случайно, почему?

– Помню, – так же беззаботно отозвалась Наташа. – Сам-то не забыл, за что ему рожу два раза бил? И не побоялся, он же на два года нас старше был...

– Плевать, – интонация в голосе была та же, что и два десятка лет назад. Оба почувствовали это, рассмеялись. На них обернулись, особенно строго смотрел невзрачный дяденька. Наташа в притворном ужасе прикрыла ладонью рот и прошептала:

– Так что с ФСБ? Врут или служил? Ну, не хочешь – не говори, мне просто интересно.

– Да чего там интересного, – сдался Илья. – Не поступил я тогда. На курсы еще за год до поступления записался, на знакомство съездил. Офицер со мной побеседовал, спросил, есть ли в семье люди из их конторы или судимые. Я сказал, что отец врач, а мать не работает, других вопросов не было. Потом пришло подтверждение, что я зачислен на курсы при Академии ФСБ. Отучился, перед поступлением медкомиссию прошел – всего изучили, как под микроскопом. Отклонений не нашли, допустили к психологическим тестам, потом физо. Все сдал – подтянулся, сколько требовалось, стометровку в двенадцать секунд уложился, три километра за тринадцать минут пробежал. А на полиграфе срезался.

– На полиграфе? – Наташино удивление было неподдельным. – Ерунда какая. Языки, физподготовка нормально, а на такой ерунде все завалить. Обидно.

Ей действительно было обидно, Илья видел сочувствие в глазах Наташи. Опоздало оно на двадцать лет, но это ерунда, мелочи. Вдохнул и договорил:

– Да, на полиграфе. Я еще раньше понял, что вопросы будут простые, но с непростым подтекстом, и был морально готов. Но когда оказался один на один в темном помещении с серьезным мужчиной в погонах, меня оторопь взяла. Не мужик, а воплощение Будды, или как там у них называется, забыл, лама какой-то... То ли он помер, то ли жив, сидит в одной позе и сквозь тебя смотрит. И вопросы задает вроде: «Как вы относитесь к смерти?» В общем, мямлил я там что-то, запинаясь, краснел, как школьник. А когда вышел, то узнал, что мое поступление закончилось. Вот так. Выдержки мне не хватило и самообладания, нервы подвели. Но я потом узнал, что следственный факультет или контрразведывательный мне все равно не светили, туда только своих берут, потомственных разведчиков. В армию пошел, срочку отслужил, по контракту потом на два года остался. Женился, дочь родилась, Лизка, ей сейчас шесть. Потом Мишка появился, ему одиннадцать. Он приемный, мы его из детдома усыновили. Работаю в конторе одной по перевозке особо ценных грузов, в сопровождении...

– Золото, бриллианты? – не преминула уточнить Наташа.

– А как же, у нас этого добра навалом, – гордо заявил Илья, словно только и делал, что перевозил из одного конца страны в другой свои собственные драгоценности. – Антиквариат еще, техника ценная, оружие старинное, и обычная инкассация. Лошадь однажды везли, сами чуть по дороге не сдохли...

– Лошадь? – поразилась Наташа. – Какую лошадь, куда, зачем?

– Дорогую, как сволочь, – поморщился Илья, вспоминая чудовищную неделю, проведенную рядом с капризной скотиной. – Стоит, как два «мерса», или как три, уже не помню. Но красивая, рыжая, а грива и хвост белые. Мы ее в Кельн везли. Так у лошади всю дорогу истерика была, сами обалдели. С ней два конюха ехали, думали, мужиков потом отпаивать придется – так нам эта тварь арабская мозги вынесла. Но мы до Кельна и обратно, а мужики с лошадью в Лондон двинули, не завидую я им... Теперь про себя давай, – потребовал Илья.

– Обычно все, – Наташа смотрела в стену на портрет то ли великого химика, то ли биолога и обращалась, скорее к ученому, чем к Илье. – Институт закончила, замуж вышла, сына родила. Развелась, второй раз замуж сходил, еще один мальчишка появился. Муж от меня сбежал, живу с матерью и детьми. Работаю бухгалтером. Слушай, пойдем подышим. А я покурю. Держи, – она бросила Илье на колени свою сумку и направилась к парте, заваленной куртками и пальто. Солидный мужчина с блестящей макушкой и круглым брюшком галантно помог Наталье раскопать общую кучу и подал ей черный полушубок. Илья поднялся со стула и, помахивая сумочкой с заклепками, направился к обоим. Мужчина, в прошлом троечник и раздолбай Гошка Митрофанов, с трудом получил аттестат, никуда не поступил и угодил прямиком в армию. А оттуда – в тюрьму за продажу «неустановленным лицам трех автоматов Калашникова с запасными магазинами в количестве шести штук». Отсидел два с половиной года, вернулся домой, сейчас содержится в городе три палатки с пивом и весьма доволен жизнью. Прошлым своим гордится и в каждом разговоре словно невзначай упоминает: «Когда я сидел в Крестах...»

Все это сообщила Наташа, пока шли по длинному коридору, пока спускались по лестнице и пробирались через забитое народом фойе. Вышли на крыльцо, нашли свободное местечко возле перил. Илья привалился спиной к ледяным поручням, отвернулся от ветра. Наташа закурила и встала рядом с ним. Затянулась глубоко, выпустила струйку дыма и принялась разглядывать толпу.

– Не повезло тебе, – проговорил Илья и пояснил, заметив удивленный взгляд Наташи: – С мужиками, в смысле.

– Не повезло, – легко согласилась та. – Но я не жалею. Ни о чем. Вообще.

Жалеет, еще как жалеет, только вида не показывает. За двадцать лет характер не изменился – тот же гонор, никуда не делся. Разбавленный уже, конечно, и пережитыми бедами, и слезами, но яда пока хватает, чтобы вот так отвечать.

– Правильно, – одобрил Илья. – Жалеть надо о том, что сделано, а не о том, что могло быть. И вспоминать пореже о прошлом. Я вот, например, давно забыл, как ты мне изменила, – он обнял Наташу за плечи, привлек к себе.

Она не отстранялась, улыбнулась только странно и молчала.

– Помню, помню, – в том же тоне продолжал Илья. – И как с другим тебя застукал, и как поговорить, все обсудить потом звал. И прождал почти два часа, как дурак, по парку до темноты шлялся. Чего не пришла-то тогда? Некогда было или маньяка испугалась?

Наташа не отвечала, курила, смотрела в толпу перед собой. Кто-то сосредоточенно лез к перилам, сопел сбоку, Илья покосился в ту сторону. Невнятный дяденька из их класса в накинутой на плечи облезлой кожанке на меховой подстежке рылся в карманах в поисках зажигалки и жутковато скалился, сжимая зубами сигарету. Наталья по-прежнему молчала – то ли обиделась, то ли не знала, что ответить: соврать или правду сказать. А может, она и в самом деле тогда испугалась. Ведь весь город лихорадило от слухов: якобы раз или два

в месяц в окрестностях находили свежий труп. Совсем еще дети и подростки, самому старшему из которых едва исполнилось четырнадцать лет, – изуродованные так, что Чикатило отдыхает. Жуткая новость немедленно обрастала еще более жуткими подробностями, кто-то даже лично повстречал монстра с руками по локоть в крови, милиция отмалчивалась и делала вид, что ничего не происходит, зато сарафанное радио работало на всю катушку. О жертвах было известно только одно – они не местные, не из города, родственников у них нет, и опознать погибших некому. Пришли из ниоткуда, ушли в никуда, вернее, известно куда – на городское кладбище, к самой дальней стене, где в бурьяне и крапиве хоронили неопознанные тела.

Чтобы успокоить общественность, менты и скромно одетые люди в гражданском патрулировали лес, ближние берега озера и тот самый парк. Общими усилиями они отловили одного браконьера, ловившего рыбу сетями, и начинающего педофила. Не говоря уже об ораве мелких хулиганов и воришек. И все бы было ничего, но слухи об изуродованных трупах продолжали появляться, пугать особо впечатлительных и нервных граждан. Последняя новость, которую слышал Илья, была чудо как хороша: труп девочки лет пяти нашли уже поздней осенью, когда в облетевших кустах недалеко от городского пляжа бомжи обнаружили обглоданные собаками детские останки. И после этого все стихло месяца на три, чтобы весной возобновиться вновь. Но Ильи уже не было в городе, окончания той истории он не знал. Да и не верил он в бабские сказки и сплетни, голова тогда другим была занята, все мысли только об Академии. С языками у него не ладилось, потом мать отличного репетитора по немецкому нашла, надо было пропущенное наверстывать...

– Да какая теперь разница, – произнесла вдруг Наташа. – Не пришла и не пришла, чего вспоминать. А маньяк... Я его видела, но не тогда, позже, через год или полтора, а потом все закончилось.

– С руками по локоть в крови невинных жертв? – немедленно уточнил Илья. – Расскажи, расскажи, мне очень интересно. С детства страшилки люблю. Про черный гроб в черной комнате, про шкаф-убийцу...

Странно, он почему-то разозлился на Наталью, словно она была в чем-то перед ним виновата. Нет, за ней водились, конечно, грешки, да и приврать она была горазда что тогда, что сейчас. Вернее, приукрасить. Но через двадцать-то лет могла сказать правду, что-то вроде: дурак ты, Кондратьев, мне деньги были нужны, а не ты. Чего, спрашивается, врет и изворачивается, к чему это?..

– Можешь не верить, твое дело, – Наташа бросила окурок в снег и подняла голову, посмотрела на Илью. – Я видела его только один раз и очень испугалась. Так страшно мне не было никогда в жизни, ни до этой встречи, ни после. Хорошо, что он меня не заметил, и я смогла удрать. Могу рассказать, если хочешь... Танюшка! Привет! Я уж думала, ты не придешь!

Как она разглядела Татьяну в толпе – уму непостижимо. Вывернулась ловко из объятий и бросилась навстречу худой блондинке в светлой норковой шубе и на чудовищных шпильках, особенно актуальных на льду и снегу. Объятия, поцелуи, визг и даже аплодисменты – собравшиеся на крыльце бурно выражали свое одобрение воссоединившимся школьным подругам. Помнил Илья эту Танюшку и сразу узнал. В детстве толстая, нескладная, в очках и вечным учебником под мышкой, Татьяна преобразилась кардинально. Исхудала до половины себя шестнадцатилетней, выглядела охренительно. Она не обращала внимания ни на кого, кроме Натальи. Впрочем, объятия быстро распались, подружки обменялись номерами телефонов, и Танюшка кивнула Илье и в пелене одуряющих французских ароматов упорхнула в школу. Наташа вернулась к перилам, жала на кнопки мобильного.

– Запиши мой телефон, – зачем-то попросил ее Илья. – Так, на всякий случай.

– Давай, – согласилась Наташа, записала, нажала «вызов», и на экране своего мобильного Илья увидел ряд высветившихся цифр.

– Отлично, – пробормотал он, отошел на пару шагов назад и включил камеру. Наташа подобралась, расправила плечи и вздернула нос.

– Внимание, – Илья щурился одним глазом. – Снимаю. Улыбайся!

Наташа улыбнулась, раздался щелчок затвора, потом еще один, потом телефон отказался подчиняться на морозе. Пришлось прятать аппарат в нагрудный карман. «Дома посмотрю», – Илья подошел к Наташе, оперся ладонями о перила, наклонил голову.

– Пойдем отсюда, – предложил он негромко. – Посидим где-нибудь, выпьем. А то уже темно и страшно. И холодно.

«И есть хочется», – но надежда быстро заглушить голод сдохла, едва родившись.

– Не могу, – отказалась от приглашения Наташа и набросила на голову капюшон шубки. – Уже поздно, а я матери сказала, что к девяти вернусь, нам с пацанами еще уроки делать. И пить мне нельзя, уже почти два года. У меня панкреатит, после приступа еле-еле в реанимации откачали. Теперь только минералка, сок и шампанское на Новый год и день рождения. Извини, как-нибудь в другой раз.

И шагнула к лестнице.

– Ладно, – буркнул Илья. – Пошли, провожу. А то вдруг маньяк какой привяжется.

Толкнул невежливо трущегося поблизости очередного невнятного мужичка с острым носиком и бровками «домиком» над узкими глазками и затопал следом за Натальей.

Погода размеренным прогулкам не благоприятствовала, до Наташиного дома добежали быстро. Ни маньяков, ни нариков с «розочками» в руках, ни прочей нечисти по пути не встретили, никто на их жизнь и кошелек не покушался.

– Спасибо, – уже перед хорошо знакомым подъездом сказала Наташа и посмотрела на окна третьего этажа. Два светятся, в третьем темно. – Ты позвони мне, поболтаем.

– Обязательно, – пообещал Илья. – Ты тоже звони.

Наташа вошла в подъезд, грохнула железная дверь. А двадцать лет назад здесь висела деревянная, и закрывалась она только с наступлением холодов. И деревьев во дворе было больше, и солнце ярче, и трава зеленее...

Илья развернулся и поплелся на проспект, миновал освещенные витрины закрытых магазинов и салонов красоты, свернул, огляделся по сторонам и побежал к дому, остановился у парковки напротив своего подъезда. Ольгин «Матиз» аккуратно припаркован рядом с его «Ровером», лобовое стекло белой машинки припорошило снежком. Илья глянул на окна пятиэтажки. В комнатах «двушки» на втором этаже темно, в кухне светится лампочка под сливочного цвета плафоном. Понятно, Лиза и Мишка уже спят, а Ольга устроилась на кухне. В желудке снова заурчало, вспомнилось нехорошее утро, Илья вдохнул ледяной, с колючими снежинками воздух и решительно направился к подъезду.

Одуряющий запах оладий встретил его на лестнице, усилился у входной двери и стал совсем уж невыносимым в коридоре. Под ноги кинулась Фиска, мявкнула недовольно и скрылась в кухне. Илья повесил куртку рядом с розовым пуховиком дочери, разулся и пошел следом за кошкой. Ольга стояла у плиты спиной к двери, на столе рядом в широкой плоской тарелке возвышалась горка румяных оладий. Илья подцепил сразу две штуки, свернул трубочкой и запихнул в рот. Обжегся, конечно, но вида не подал, прожевал, потянулся за следующим. Ольга бросила на тарелку свежий блин и вылила на сковороду остатки теста.

– Наши где? – с набитым ртом спросил Илья.

– Спят, конечно, – отозвалась Ольга. – Устали после горок, поели и заснули, бедолаги, не дождавшись папашу. Пришлось им сказать, что ты на работе и у тебя срочное дело. Вы хоть закусывали?

– Да я к Сане ходил, долг отдал, – попытался оправдаться Илья, схватил горячий блин, оторвал кусок и закинул в рот. Фиска терлась черно-рыжим боком о штанину и прицеливалась запрыгнуть на хозяйские колени. Но передумала, устроилась на подоконнике и принялась умываться.

– Ага, я вижу, – Ольга окинула мужа насмешливым взглядом, запахнула на груди голубой халат и сосредоточилась на сковородке.

– Честно, я долг отдал, – Илья утащил из-под рук жены тарелку, уселся на табурет, поставил блюдо перед собой на разрисованную подсолнухами скатерть. Оладьи исчезали стремительно, по телу разлилось тепло, настроение резко пошло вверх. Ольга вытащила из духовки противень с жареной курицей, положила кусок на тарелку и поставила перед мужем.

– Москит, ты всегда так: пошел в баню чистый и трезвый, а вернулся грязный и пьяный, – Ольга сняла сковородку с огня и принялась поправлять собранные в хвост длинные черные волосы. Илья отодвинул пустую тарелку с обглоданными костями, поднялся с табуретки, намотал на ладонь концы пояса Ольгиного халата и притянул жену к себе.

– Уйди, алкаш, – она попыталась отстраниться. – Стоит из дому на денек уехать, а ты по кабакам, по девкам... Кстати, почему тебя Москитом в армии звали? Ты мне так и не сказал.

– Жужжал много, – игнорируя первую часть предьявы, на ухо жене произнес Илья и принялся нащупывать заколку в густой гриве на Ольгином затылке. Нашел, нажал защелку, и волосы разлетелись, словно их раздуло ветром.

– Не ври, – проговорила Ольга. – Сколько можно, семь лет одно и то же...

– Я не вру, – свободной рукой Илья нашел на стене выключатель, хлопнул по нему ладонью. В кухне стало темно, на стене дрожало синеватое пятно света от дальнего фонаря, поблескивало стекло в дверцах кухонных шкафчиков. Илья плюхнулся на табурет у стены, посадил Ольгу себе на колени, уткнулся лбом ей в спину.

– Отпусти, – шепотом потребовала жена, но не шелохнулась. Илья молча расстегивал скользкие пуговицы, боролся с тугим узлом на поясе халата.

– Кондратьев, ты сдурел, – проговорила Ольга, на подоконнике что-то зашевелилось, оба застыли, как громом пораженные.

– Фиска, мать твою, – рыкнул Илья. – Проваливай на фиг, или я тебя сам обратно на помойку выкину, где нашел...

Ольга фыркнула, вскочила на ноги и схватила сонную кошку на руки. Вскочила с ней в коридор, и все стихло. Илья, чертыхаясь, ринулся следом. Темно, тихо и очень тепло, дверь комнаты в конце коридора плотно закрыта, из-за второй падает синеватая полоска света.

– Ты идешь? – услышал он шепот Ольги и метнулся в комнату, едва успев захлопнуть перед Фискиным носом дверь. Привычка чертовой животины проникать в спальню, устраивать засаду под кроватью, а потом лезть под одеяло выводила его из себя. На этот раз повезло, он успел первым, повернул язычок замка и обернулся. Ольга сидела на краю кровати и расчесывала волосы. Илья на коленях подобрался к жене, взял за плечи и уложил на спину.

– Кому-то завтра на работу, – успела произнести Ольга.

«Плевать, времени еще полно». На самом деле его было не так и много, и грех тратить драгоценные минуты на пустые слова, благоразумнее будет побыстрее перейти к делу. Так он и поступил.

* * *

Смена выдалась спокойной – ничего срочного, экстремального по двойному или тройному тарифу. Инкассация, ломбард, ювелирка – все по графику, все вовремя и привычно. Как и тяжесть оружия и снаряги, как чуть гудящая голова после бессонной ночи. Отписались, отчитались, сдали груз по назначению после очередного выезда и вернулись на базу.

– Кондратьев, телефон твой достал, – встретил группу дежурный. – Раз пять звонил, пока вы ездили.

Илья положил «укорот» в кресло и вытащил из шкафа свою сумку на длинном ремне, нашел мобильник. Да, несколько пропущенных вызовов, и все с незнакомого номера. «Черт его знает», – крутил он трубку в руках, уселся на мягкий валик и набрал номер жены.

– Все в порядке, Лиза в саду, Мишка в школе, – сообщила она с оттенком недовольства и даже раздражения. – У меня занятия, я тебе перезвоню.

– Я сам тебе позвоню, – Илья нажал «отбой». Ладно, здесь все в порядке, Ольга вдалбливает в голову очередному школяру неправильные английские глаголы, и делает это терпеливо и вдумчиво. И через пару часов все повторится, только это будут уже правила спряжения или тому подобная мура. Индивидуальные занятия с репетитором хорошо оплачиваются, учеников у Ольги полно, да и деньги всегда нужны... – Ладно, продолжим, – Илья нашел в телефонной книге номер отца, когда мобильник задрожал в пальцах. Тот же номер, что и предыдущие, надо ответить. – Слушаю, – произнес он.

На той стороне помолчали пару секунд, что-то лязгнуло, потом зашуршало, потом раздался уверенный голос молодого человека.

– Старший лейтенант Логинов, – представился человек. – Я звоню вам с телефона Гришиной Натальи Владимировны. Вам знакома эта женщина?

– Да, – ответил Илья. – Я ее знаю, мы учились в одном классе. А в чем...

– Хорошо, – не дал договорить ему Логинов. – Гришину сегодня нашли на рельсах в районе железнодорожного вокзала. Несчастный случай, она попала под товарняк. Была в состоянии алкогольного опьянения и уснула на рельсах. Нашли прохожие, когда шли на первую электричку. Вы не знаете, у нее есть родственники? А то я звоню, звоню – то абонент временно недоступен, то телефон выключен, то не отвечает... Ваш номер был одним из последних, на который она звонила.

– Да, есть, – еще плохо понимая, что происходит, ответил Илья. – Мать есть и два сына. Еще брат был, кажется. И два мужа, но она с ними давно развелась. А когда... как... Как это случилось?

В голове не укладывалось – Наташа, ночь, рельсы, поезд... «Заснула на рельсах» – это зимой-то, в мороз? Сколько же надо было выпить, такое количество даже Сане не осилить...

– Бывает, – уклончиво ответил следователь и снова зашуршал чем-то. – Шла, шла, устала, прилегла, заснула. А тут поезд... Она вообще часто спиртное употребляла? Или наркотики?

– Не знаю, – как на духу признался Илья. – Я ее давно не видел, со школы, мы на вечере встреч встретились, в воскресенье.

– Понятно. Что пили? – деловито поинтересовался Логинов.

– Ничего, мне на работу утром, я за рулем...

– Спасибо, – из трубки понеслись короткие гудки. Илья повертел телефон в руках, бросил его в сумку и снова уселся на валик кресла, сдвинул виски, вцепился в короткие волосы. Бред какой-то, так не бывает. Или бывает? Как она оказалась ночью одна в районе железнодорожного вокзала? И почему уснула на рельсах? Да еще и в состоянии алкогольного опьянения. Позвольте, ей же пить вообще нельзя, она сама говорила, что после болезни ей можно только минералку и шампанское на Новый год. Даже со старым другом выпить отказалась, а тут – рельсы, товарный поезд... Откуда она пришла, во сколько, с кем? Нет, так не пойдет, надо узнать все подробности. Следак, понятное дело, лишнего не скажет, а дело здесь явно нечисто. Что заставило ее ночью пойти на вокзал, уже никто никогда не узнает, это можно опустить. Наталью запросто могли ограбить и бросить под поезд – тоже возможно. Ага, и напоили перед этим. И уж точно не грабили, раз телефон на месте. И почему следователь уверен, что обнаружен труп именно Гришиной, а не Ивановой или Сидоровой? Это что

угодно, только не несчастный случай. Но кому могла помешать почти сорокалетняя тетка с двумя оболтусами на шее и панкреатитом? Все – не все, но кое-что выяснить можно.

Саня ответил незамедлительно, словно только и делал, что ждал звонка.

– Привет, – деловитым голосом отозвался он. – Как сам, как здоровье? Ольга как? Я после того домой в шестом часу утра пришел, довели добрые люди...

– Нормально все, – оборвал воспоминания о похождениях пьяного хирурга Илья. – Слушай, тут такое дело. Я слышал, в городе женщина под поезд попала...

– Ага, под товарный, в половине пятого утра на Москву шел, – подтвердил Саня. – К нам привозили на экспертизу. Вернее, к соседям, за стеной, ты знаешь, мы у них спирт покупаем. Ребята сказали, что концентрация алкоголя в трупной крови составила больше трех промилле. Смертельная доза, если по-простому, литра полтора паленой водки в одно лицо тетенька уговорила. Она могла поезда и не дожидаться, сама бы через час-другой загнулась. У нее с поджелудочной какие-то проблемы при жизни были, я толком не вникал. А тут прикинь – рельсы, масса электровоза и вагонов, скорость, колеса... До полудня собирали, – с профессиональным цинизмом сообщал Саня подробности гибели Наташи.

– А как ее вообще опознали? После колес и прочего? – по коже под футболкой и форменным черным комбезом побежали мурашки, Илья поежился, перехватил заинтересованный взгляд дежурного за столом, подхватил с кресла автомат и вышел в коридор.

– По документам, – ответил хирург. – Сумку рядом нашли, черную такую, с заклепками. В ней и паспорт был, и телефон, и деньги.

– И что – сумка так всю ночь и пролежала рядом с трупом? – уточнил Илья. Саня помолчал и выдал неуверенно:

– Ну, да, получается, что пролежала. Слушай, я врач, а не мент. Что знал – рассказал, остальное не ко мне. Могу соседей еще раз расспросить, но ничего нового они не скажут, отвечаю.

– Ладно, я понял. Спасибо тебе, – сказал Илья и тут же добавил: – Но все равно странно.

– Странно, – согласился задумчивый Саня. – Но, как говорится, за что купил, за то и продал. А ты знал ее? Самоубийцу?

«Почему самоубийцу?» – переспрашивать Илья не стал, ответил коротко:

– Да, мы с ней в одном классе учились. Все, пока.

И до конца смены ходил сам не свой, все никак не мог найти хоть малейшее, крохотное объяснение, малейшую зацепку, что прояснила бы жуткую гибель Наташи. Слишком складно все получилось – ночь, паленая водка, груженный товарняк. Ни следов, ни свидетелей. И, главное, не было причины – ни одной, даже намек на нее. Пока получалось одно – Наташа оказалась на вокзале не по своей воле. И все сказанное Логиновым и Саней безупречно укладывалось в эту версию, отчего становилось нехорошо, и в голову лезли дурные мысли. И избавиться от них было решительно невозможно – хоть стометровку беги, хоть на спарринг против двух противников выходи.

Зато когда после дежурства Илья ехал домой, уже знал, что будет делать завтра.

В местном УВД все прошло на удивление быстро и спокойно. На первом этаже серьезный юноша в бронежилете поверх формы и при оружии выслушал Илью, сделал пару звонков и предложил пройти на второй этаж в кабинет двести десять.

– Следователь Матвеев, дело Гришиной у него, – Илья выслушал напутствие и рванул вверх по лестнице. Кабинет двести десять нашелся мгновенно, но оказался закрыт – следователь отсутствовал. Илья вздохнул и приготовился убить в душном темноватом коридоре часа полтора времени, вместо того чтобы вывезти Лизу и Мишку покататься на тюбингах с роскошной горки в пригороде. И принялся бродить взад-вперед, уступая дорогу людям в синесерой форме, провожая взглядом сотрудниц в юбках неуставной длины. Прослонялся так минут десять, потом с лестницы в коридор ворвался молодой человек в гражданке и ринулся

к кабинету двести десять, на ходу расстегивая черное пальто. Выглядел юноша как прилежный ученик с картинки в советском букваре. Светлая челочка, голубые глазки на круглом щекастом личике. Не хватает только красного галстука и синей школьной формы с белой рубашкой.

– Вы ко мне? – окрикнул Матвеев Илью и загремел ключами. – Прошу прощения, мне пришлось отлучиться ненадолго. Спасибо, что дождались. – И распахнул дверь в пыльную, пропахшую старыми бумагами берлогу с решеткой на давно не мытом окне.

«Ничего себе». Илья шагнул через порог, приятно пораженный вежливостью полицейского. Словно не в России дело происходит, а в параллельной реальности или голливудском боевике. «Прошу прощения, спасибо... До чего их реформа довела», Илья уселся напротив стола с пыльным монитором и замызганной клавиатурой. Раскрасневшийся от мороза и бега Матвеев устроился напротив, бросил на бумаги ключи от машины, пригладил ладонью челку и обратился к Илье:

– Слушаю вас.

– Я насчет Гришиной, – начал Илья. – Я ее давно знаю... знал. И видел накануне смерти. Наталья не могла столько выпить, она вообще не пила. У нее со здоровьем проблемы были, она сама сказала.

Матвеев предостерегающе поднял указательный палец, Илья умолк. Следователь сунулся в ящик стола, пошуршал там бумагами и извлек разлинованный бланк, подал его Илье. «Объяснение», – гласил заголовок.

– Прошу вас, опишите все, что вам известно. И как можно подробнее. А лучше нет, – Матвеев цапанул лист обратно, придвинул его к себе, вооружился ручкой. – Я сам запишу, с ваших слов. Вы потом прочтете и подпишете. Итак, вы знакомы с Гришиной Натальей Владимировной...

«С первого класса восемнадцатой школы», – но начал Илья не из дали лет, а с прошлого воскресенья. Матвеев строчил без остановки, кивал коротко стриженной белобрысой головой и ни разу не перебил рассказчика. Исписал бланк мелким острым почерком с обеих сторон, передал его Илье.

– Прочитайте, внимательно прочитайте. Не торопитесь, времени у нас полно. Все, что вы сообщили, очень важно и поможет нам разобраться в этом деле, – зудел следователь над ухом и приглаживал челку, пока Илья разбирал покрывавшие лист каракули. Да, все верно, записано слово в слово, только с грамотностью у следака беда, будто и в школе не учился. Но черт бы с ним, главное, что зафиксировал все верно. В том числе и место работы, и домашний адрес, и мобильный телефон свидетеля.

Илья расписался под своим ФИО, поставил дату и даже время. Матвеев бережно убрал «объяснение» в прозрачный файл и поднялся из-за стола.

– Благодарю вас, – распинался он. – Эти подробности, детали, которые вы сообщили, просто бесценны. Уверен, что теперь раскрытие этого дела много времени не займет. Я извещу вас письменно в десятидневный срок, можете не сомневаться. Если вспомните еще что-либо...

– Это все, – оборвал его Илья, уже стоя в дверях, и следователь умолк, плюхнулся обратно на стул, поднес ладонь ко лбу. Краем глаза Илья успел заметить, что Матвеев снова схватился за его «показания», но возвращаться не стал, закрыл за собой дверь и двинул по коридору к выходу, глянул на часы. Визит в логово местных стражей порядка занял у него ровно сорок минут. Еще не было и полудня, времени впереди полно. Забрать из сада Лизу после обеда, встретить из школы Мишку, загрузить в «Ровер» снежок, мягкую «таблетку» для горки – и вперед, на свежий воздух. Сегодня придется втроем, у Ольги перед окончанием учебного года образовался аншлаг – двоечники ринулись восполнять пробелы в знаниях языка. Снова Ольга будет уходить с утра и возвращаться чуть ли не ночью, а деваться некуда

– дети растут, постоянно нужно то одно, то другое, и летом надо их на море вывезти, и «двушку» неплохо бы на что-нибудь попримечнее обменять, тесно им в этой конуре. Но этот вопрос он решит, может, уже и через год...

Звонок застал его на обратной дороге в город. Умаявшаяся от избытка эмоций и кислорода Лиза спала на заднем сиденье, рядом с сестрой клевал носом светловолосый Мишка. А телефон трезвонил слишком громко, Илья кое-как, не выпуская руль, выдрал мобильник из внутреннего кармана пуховика и ответил, даже не глядя, чей номер определился на экране. Оказалось, звонило начальство.

– Илья, срочный выезд. Им человек с немецким нужен, – услышал он голос заместителя директора по логистике. Мужик серьезный, особа, приближенная к высшему руководству, зря дергать не будет. Значит, действительно, опять нечто выдающееся, вроде той лошади. «Не дай бог», – успел подумать Илья, но главный логист успокоил его. Требовалось сопроводить в поездке на арендованной у фирмы спецмашине пару ящиков с ценным содержимым. А к ящикам прилагалась немецкоязычная особа двадцати шести лет от роду. Порусски вообще не соображает и дико боится Москвы, России и вообще всего, что находится за пределами ее вселенной, после того, как родной автобан упирается в дикую степь. Что эта трепетная особа делает в Москве – не уточнялось, но завтра, в девять утра ему и еще троим из команды надлежит в полной выкладке ждать особу в машине. И везти ее в Питер, а оттуда в Хельсинки.

– Тройной тариф, – повторил логист. – Но завтра. В девять утра.

– Я буду, – отказаться он даже не подумал. Плевать, что сменился только вчера – раз есть возможность заработать, надо ее использовать. «Потом отдохну». Илья бросил телефон на соседнее кресло, глянул в зеркало заднего вида. Дрыхнут, суслики, укатали их крутые горки. Снегокату после контакта с березой пришел конец, хорошо, хоть Мишка отделался испугом. Восстановлению игрушка не подлежала, поэтому груды пластмассы они с Мишкой выкинули в мусорный контейнер у выезда с базы отдыха. Мальчишка надулся и провожал обломки с тоской на физиономии. Илья ущипнул мальчишку за нос, но Мишка едва не плакал.

– Без паники. Через неделю у тебя новый будет, – обещание подействовало, и к машине Мишка топал почти с энтузиазмом. Лизе было все равно – ее «таблетка» в целости и сохранности покоилась в багажнике «Ровера». «А может, и неделю ждать не придется. За такие выезды платят сразу и наличкой». Илья вел машину по правой полосе, строго соблюдая скоростной режим. Заправился по дороге, чтобы завтра драгоценного времени не терять, и пока-тил к дому.

Утром выехать он решил на час раньше обычного. Работа предстояла несложная, но ответственная. Вряд ли на немецкоподданную и ее имущество будут покушаться, но уж больно хорошо кто-то платит за ее доставку из пункта «а» в пункт «б». Поэтому лучше приехать пораньше, все осмотреть, подготовить, почистить и заменить, если потребуется. Машин на дороге было полно, трафик в сторону Москвы уплотнялся с каждым километром. Легковушки, фуры, грузовики, автобусы со спящими пассажирами целеустремленно перли в сторону клоаки, по недоразумению именуемой столицей страны. Илья пристроился за белым «Транзитом», шел не меньше девяноста, стараясь не превышать, хоть и чесались руки выжать до ста двадцати. Дорога сухая, чистая, снег закончился, левая полоса пустая, можно бы и втопить... Но лучше не надо, ибо не нами сказано: быстро поедешь – медленно понесут. Тем более времени только без четверти семь, и ехать осталось минут сорок, контора в Мытищах, до съезда с шоссе осталось немного...

С левой полосы выскочил полицейский «Форд» с «люстрой» на крыше, полыхнул красно-синими огнями, крякнул и погнал дальше, мотыляясь, как слаломист на склоне. «Бараны», – Илья сбавил скорость, посмотрел назад – все нормально, маневр полицаев

никому не помешал. «Транзит» впереди включил поворотник и отвалил на прилегающую дорогу, показался пост ДПС, по морозцу бродили два неповоротливых гайца, вглядывались в поток транспорта. Поневоле вспомнился старый анекдот: останавливает дэпээсник машину на посту, представляется водителю:

– Сержант Иванов. Еще не завтракал.

– Очень приятно, – отвечает водитель. – Киллер Петров. Уже на работе.

Илья усмехнулся и приготовился торжественно проследовать мимо со всем подобающим почтением, когда похожий на беременного пингвина дэпээсник махнул ему полосатым жезлом. «Ровер» съехал на обочину, Илья чертыхнулся и полез за документами. В зеркало на дверце он видел тушу гайца, неспешно бредущего к жертве. «Заплачú», – решил Илья. Черт с ним, пусть подавится, надо ехать. Ни разу не останавливали, а ведь мимо этого поста он второй год туда-сюда катается. И надо же, именно сегодня пришел его черед. Ничего, разберемся.

Через приоткрытое стекло резануло ледяным ветром, Илья потер ухо и сделал самую доброжелательную гримасу, на которую был способен. Гаец горой возвышался рядом, на сине-белой со светоотражающими полосками куртке тяжело висел «укорот».

– Инспектор Калязин, – представился дэпээсник и принялся изучать протянутые ему документы. Пролистал два раза, зажал в толстых сосисочных пальцах и возвращать не торопился. Ну, точно, придется платить. Как бы ему намекнуть, чтобы не обиделся?..

– В чем дело, командир? – весело спросил Илья. – Документы настоящие, не сомневайся. Случилось что? – Он показал на «укорот».

– Усиление, – буркнул Калязин, обернулся и спросил: – Вы сколько времени за рулем? Как чувствуете себя? Что-то вид у вас уставший.

– Да часа полтора всего, – честно ответил Илья. – На работу спешу, начальство озверело, приходится в Москву тащиться ни свет ни заря... Может, договоримся?

Гаец его предложения словно и не слышал, отступил на пару шагов и принялся разглядывать идеально чистый бок «Ровера». Прошелся перед капотом, оглядел номера, вернулся к окну со стороны водителя. И снова обернулся.

– Полтора часа... А ДТП по дороге не видели? На выезде из Ашукинской? Странно, вы как раз мимо проезжать должны были. Ну, нет так нет. А откуда вмятина на переднем бампере? Уж не вы ли ДТП устроили и с места происшествия скрыться решили?

– Командир, ты чего, какая вмятина! – Илья вылетел из теплого салона, набросил на голову капюшон и кинулся к переднему бамперу. – Нет тут ничего, никакой вмятины, показалось тебе. Слушай, ты устал, я все понимаю. Говори, сколько – и расходимся, – Илья почти умолял тугодума с автоматом на шее. И даже полез за деньгами во внутренний карман куртки. Но мир определенно налетел сегодня на небесную ось, иначе как объяснить, что гаец на заманчивое предложение даже ухом не повел. Обошел машину еще раз, махнул рукой в темноту, и со стороны поста к «Роверу» затопал калязинский коллега. Теперь у машины слонялись двое, перекидывались короткими бессмысленными фразами и тупо пялились то на водителя, то в сторону поста. А оттуда уже торопился третий, Илья мысленно прикидывал, хватит ли ему денег на всю ораву. Или они принимают карточки?..

– Где огнетушитель? – спросил Калязин.

Илья молча вытащил требуемое из-под переднего сиденья и показал гайцам.

– А знак аварийной остановки? – не унимался второй. В спешке он забыл представиться, а номер его бляхи Илья никак не мог разглядеть издали. Злость переходила в бешенство, еще немного, и он заговорит с ними по-другому. Прошло уже двадцать минут, почти половина восьмого, через час развод и инструктаж...

– В багажнике! – рявкнул Илья. – Где ж ему еще быть!

– Покажите! – хором потребовали дэпээсники. Третий, помоложе и поспокойнее, держался поодаль и в перебранку не вступал.

Илья открыл багажник, предъявил гайцам его содержимое. Запасака, чемоданчик с инструментами и он – виновник торжества – красный треугольник знака аварийной остановки.

– Устанавливается на расстоянии не менее пятнадцати метров от транспортного средства в населенных пунктах и не менее тридцати метров вне населенных пунктов, – отчеканил Илья.

– Простите, – прервал его третий, до сих пор молчавший сотрудник ДПС. – Я заметил, у вас машина чистая, а колеса и диски грязные. По лесам ездили? А здесь недалеко вчера расчлененный труп девушки нашли, уж не вы ли постарались...

– Чего? – шагнул к нему Илья. – Какие леса, какая грязь? Глаза разуй, зима на улице, а машина третий день как из мойки. Какой труп, какая девушка... Мужики, я все понял, не дурак. Говорите, сколько я вам должен... – он осекся на полуслове.

– Подойдите, – потребовал Калязин и сделал шаг в сторону от открытого багажника. Илья заглянул внутрь. У дальней стенки за запасным колесом лежали два свертка с белым порошком внутри.

– На героин похоже, – уверенно заявил второй и оглушил чередой заученных вопросов: – Как можете объяснить наличие наркотиков в вашей машине? Сколько здесь? Кто передал их вам, кому везли, где назначена встреча, – голова пошла кругом. Их не было здесь еще вчера вечером, когда он вытаскивал «таблетку». И сегодня утром тоже, им просто неоткуда тут взяться, если только...

Сказать Илья ничего не успел – ему заломили руки за спину и уложили на обочину лицом вниз. Треск рации, звон мобильных, слова доклада: «Обнаружено вещество в виде порошка белого цвета...», визг покрышек на сухом асфальте – все прошло мимо взявшего паузу рассудка. Мозг только фиксировал картинку и звуки: ледяные «браслеты» на запястьях, быстрый обыск по всем карманам, исчезновение бумажника и телефона, как затем рывком поднимают на ноги, как открывается дверца подоспевшего «Форда», и черная дыра салона за открытой дверцей.

– Не имеете права, – сказал кто-то его голосом. – Это не мое, я не знаю, откуда пакеты взялись в моей машине. Это незаконный арест.

– Правильно, это не арест, а задержание, – с готовностью подтвердили из «Форда». – А вот за сопротивление сотрудникам полиции вас действительно могут арестовать. Подумайте.

Его толкнули в спину, Илья едва успел пригнуть голову и оказался на заднем сиденье рядом с человеком в штатском. Тот насмешливо глянул на пленника и отвернулся к окну. Рядом плюхнулся «тихий» дэпээсник, захлопнул на ходу дверцу. Над головой завывало, застонало – включился спецсигнал. Сине-красные всполохи заметались в предрассветных мутных сумерках, машина вылетела на разделительную, повернула и с воем понеслась прочь от Москвы. Илья успел заметить в левом окне брошенный на обочине «Ровер», Калязина на переднем сиденье за рулем и закрыл глаза. Шевельнул руками, и цепочка нежно звякнула за спиной.

– Не дергайся, – предупредил сосед в штатском. – Или сопротивление сотрудникам плюс попытка к бегству.

«Ага, на скорости под двести», – больше он не шевелился. Откинул голову на спинку сиденья и уставился в потолок. И поражался сам себе – он не чувствовал ничего, эмоции исчезли, все до одной. Сейчас он мог только ждать, чем и, главное, когда закончится этот кошмар.

Кошмар длился чуть больше суток. Лишенный возможности умыться, переодеться и привести себя в порядок, Илья был противен сам себе. В звонке ему отказали, просто

послали на хер и закрыли решетку. И на сутки забыли про него, оставив в полном одиночестве. Дебиловатого вида сержант пару раз приносил поесть и одноразовые стаканчики с горячим чаем, по первому требованию конвоировал в туалет. Ночью вместо сна навалилось забытье, тяжелое, полное нехороших мыслей и дурных предчувствий. Говорить было не с кем, зато голова соображала отменно. К трем часам ночи Илья остановил «пластинку» – дальше так продолжаться не могло. Он не видел ни одной причины произошедшего. Наркотики подбросили, это не обсуждается. Но зачем? С какой целью? Обчистить карманы? Отобрать машину? Все это можно провернуть гораздо проще и тише, все не дети, все прекрасно все знают. Телевизор смотрим, газеты читаем, Интернет опять же в курсе дел держит. Но наркота?! Зачем, кто приказал? Не по своей же инициативе гайцы по багажникам чужих машин героин разбрасывают. Кстати, сколько там было?

– В принадлежащей вам машине было обнаружено двести десять граммов героина, – в прокурорском кабинете было холодно и душно, рыжеватый небритый мужик с капитанскими погонами сделал последнюю затяжку и бросил окурочек в металлическую банку. После бессонной ночи голова кружилась, в глаза словно насыпали песка, но Илья внимательно слушал опера (или как он там правильно называется). На душку-Матвеева он ни разу не походил, огрызался на каждый вопрос задержанного, откровенно хамил, только что не матерился. Наверное, тоже сдерживался, как и Илья, из последних сил.

– Ничего не знаю, наркотики мне подбросили, – в сотый раз повторил Илья, уставился на крохотное зарешеченное окошко под потолком. Подвал или что-то вроде того – холодно, потолок низкий, так и кажется, что вот-вот врежешься в него макушкой.

– Разберемся, – ответил, как выплюнул, опер, толкнул Илье пустой бланк. – Заполните и распишитесь.

Следом покатила авторучка, Илья поймал ее, придвинул к себе бумагу. «...даю настоящую подписку в том...», «...по обвинению меня в совершении преступления...», «не выезжать, не менять места жительства без разрешения судьи (следователя, прокурора) и являться по первому требованию. Мне объявлено, что в случае нарушения мною настоящего обязательства о невыезде ко мне может быть применена более строгая мера пресечения». Понятно, будем считать, что легко отделался.

Илья подмахнул подписку о невыезде, поставил число, дату и вернул бумагу оперу. Тот проглядел ее мельком, выложил на стол бумажник Ильи, его телефон, документы и ключи от машины.

– Тачка твоя на штрафстоянке, но прав у тебя все равно нет, – опер выбил из пачки следующую сигарету, искал в карманах зажигалку.

– Это почему же? – вежливо поинтересовался Илья.

– За превышение скорости, проезд на запрещающий сигнал светофора и пересечение двойной сплошной линии разметки, – опер нашел зажигалку и закурил. Выдохнул облако сизого вонючего дыма и перегнулся через стол: – Вали отсюда, пока я не передумал. И меру пресечения тебе не изменил прямо здесь, не отходя от кассы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.